

Современные тенденции развития образования

ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Г. Ю. БЕЛЯЕВ,
кандидат педагогических наук,
старший научный сотрудник,
член Междисциплинарного научного совета
по сравнительной педагогике при отделении философии
образования Российской академии образования,
член Российского философского общества (Москва)
Gennady.belyaev2011@yandex.ru

В статье представлен авторский анализ понятия гражданско-патриотического воспитания как интегральной составляющей воспитания социального. Обосновывается актуальность патриотического воспитания в современном мире, его смысловое взаимодействие с воспитанием гражданским, которое формально и содержательно адекватно основным смысловым векторам современной социокультурной и технологической трансформации в форматах глобального сообщества. Автор показывает, что критическое изучение опыта зарубежных стран, прежде всего в сфере формирования основных социальных институтов, гражданских учреждений, в национальных, исторически сложившихся и имеющих давние и прочные традиции системах образования является продуктивным для рефлексивного осмысления целей и задач отечественного гражданско-патриотического воспитания. Это важно ради сохранения и укрепления целостности и безопасности страны, которые обеспечиваются содержательно-духовным единством образовательного пространства страны. Поэтому гражданско-патриотическое воспитание было и остается консолидирующей идеологемой методологии общественного воспитания.

The article presents the author's analysis of the concept of patriotic civic education as an integral component of social education. The relevance of patriotic education in the modern world, its semantic interaction with civic education which is formally and meaningfully adequate to the main semantic vectors of modern sociocultural and technological transformation in the formats of the global community is substantiated. The author shows that a critical study of the foreign countries experience primarily in the field of the basic social institutions formation, civil institutions in national, historically established and with long and strong traditions education systems is productive for a reflective understanding of the goals and objectives of domestic civic patriotic education. This is important for preserving and strengthening the integrity and security of the

country which are provided by the content and spiritual unity of the country educational space. Therefore, civic patriotic education has been and remains the consolidating ideologeme of the methodology of public education.

Ключевые слова: патриотизм, воспитание, гражданское патриотическое воспитание, гражданская идентичность, социальное воспитание

Key words: patriotism, moral education, civil patriotic education, civil identity, social education

Общественная среда — самый важный фактор
для воспитания и учения человека.

И. А. Ефремов

Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно,
не уважать оной есть постыдное малодушие.

А. С. Пушкин. Из письма П. А. Вяземскому

Воспитание как общественное явление — основа стратегии общественного развития, выполняющего миссию культурно-исторической эстафеты поколений.

Методология общественного воспитания является основой социальной политики управления условиями развития личности и общества. Без преувеличения можно сказать, что практически каждое государство (в лице его базовых социальных институтов) функционирует в той или иной степени зрелости осознания государственной важности поддержания общенациональной исторической традиции в системе образования.

Как показывает опыт истории XX века, классовый подход в решении этого вопроса возможен, но малопродуктивен. Однако коммерческо-потребительский подход к образованию как к сфере платных социальных услуг (с отрицанием его воспитательно-патриотического значения или с заведомо ложным преувеличением некой «глобальной перезагрузки» ценностей), который мы наблюдаем сегодня, не просто малопродуктивен, а провален [14; 15]. Воспитание укоренено в историческом менталитете общества и его культурной традиции, в «культурном коде» образования.

Если государство не выказывает каких-либо скрытых или явных признаков социального разложения, то прерогативой своей образовательной стратегии во внутренней политике оно ставит не «сферу обслуживания», не «формирование потребителя», а социально-воспитательные задачи личностного развития лояльного Отечеству гражданина. Гражданское право человека на свободу совести, мысли и слова [7, ст. 29, п. 1], различные идеологические взгляды и убеждения [7, ст. 13, п. 1] не дают человеку права на измену Родине [7, ст. 13, п. 5]. Поэтому считаем, что цели и задачи гражданского воспитания совпадают с целями и задачами воспитания патриотического: делить их не следует.

Среди задач национального проекта по патриотическому воспитанию следует прежде всего выделить задачу гражданского, духовного *объединения всех граждан страны любого возраста в социально осмысленное сообщество*, связывающее свое прошлое со своим настоящим и будущим и самое главное — не превращающее родной язык, родную речь, родную культуру и родную национальность в предмет истерического самовосхваления и третирования живущих рядом соседей. По такому критерию патриотизм отличается

от агрессивного национализма и шовинизма. В СССР его строго придерживались в основных идеологических документах и более-менее осмысленно — в повседневной жизни. Иначе советский народ как новая историческая общность народов не был бы фактом жизни. Именно многонациональный советский народ как соборный патриот своей социалистической Родины, сокрушил Третий Рейх — мощнейшую империалистическую державу. Благодаря осознанию морально-политического единства новой исторической общности «советский народ», фактом всемирной истории стало советское «экономическое чудо», восстановившее за 7—10 послевоенных лет экономику европейской части страны, на 2/3 разрушенную «коллективной Европой» Гитлера, что вывело СССР на уровень сверхдержавы и существенно повысило материальный, образовательный и культурный уровень жизни нескольких поколений граждан СССР.

Соблюдается ли этот критерий дифференциации патриотизма, шовинизма и агрессивного национализма в социальном образовании (social education) США, Франции, Японии и других стран? Вопреки официальной политики толерантности соблюдается не везде и не всегда.

Тем не менее изучение давнего и весьма богатого опыта зарубежных стран, прежде всего в сфере формирования основных социальных институтов, гражданских учреждений, в национальных, исторически сложившихся и имеющих давние и прочные традиции системах образования, может дать много полезного для осмысления целей и задач отечественного патриотического воспитания — именно ради сохранения и укрепления целостности и безопасности страны, которые обеспечи-

ваются во-многих, если в не в решающих, аспектах — содержательно-духовным единством образовательного пространства страны.

Формирование связной, целостной, жизненно необходимой, лично ориентированной, национально-государственной, гражданской идентичности подрастающего поколения является центральной задачей социального воспитания, ни в коей мере не отрицающей или умаляющей плюрализм взглядов, свободу совести и убеждений. Задача сложная, но в этом, по нашему мнению, состоит суть патриотического воспитания как интегральной составляющей воспитания социального. В ее основе должен лежать *идеал* — как дальний прогноз-консенсус будущего страны. Л. Н. Гумилев сформулировал эту роль идеала в качестве рабочей формулы педагога, ученого и политика, которая поможет прояснить и оценить современное состояние общества и его мораль, цели воспитания, а также задачи образования как темы национального проектирования: «Идеал — далекий прогноз, желанная цель, формирующая психологическую доминанту не только на персональном, но и на популяционном уровне» [3, с. 183]. Такова на самом деле роль воспитания как общественного явления в современном мире.

Система реального социального воспитания ориентируется не только и не столько на общечеловеческие ценности, сколько на существующие, выработанные веками ценности народа и его нравственные эталоны трудовой, семейной, жизненной этики, делающие воспитание живым и лично значимым делом практически для каждого человека. Существует норма жизни, и моральная, и юридическая, общая для граждан любых государств. Есть государственная атрибутика, национальная символика, государственные герб, флаг и гимн, и никто не имеет права оскорблять атрибуты государства, в котором он живет и пользуется ежед-

Формирование связной, целостной, жизненно необходимой, лично ориентированной, национально-государственной, гражданской идентичности подрастающего поколения является центральной задачей социального воспитания.

шихся и имеющих давние и прочные традиции системах образования, может дать много полезного для осмысления целей и задач отечественного патриотического воспитания — именно ради сохранения и укрепления целостности и безопасности страны, которые обеспечи-

невными и постоянными гражданскими правами*.

С этой нормы начинается гражданское воспитание.

Работает ли оно на формирование наднациональной, суперэтнической идентичности личности? Работает. Примеры тому: воспитание советского человека, опора системы образования на реально сформированную историческую общность, обладавшую морально-политическим единством — советский народ. Воспитание личности школьников различных национальностей осуществляется в США в духе идентичности гражданина США. А вот попытки создать наднациональную европейскую идентичность в духе рекомендаций Евросоюза по мультикультурному образованию успехов пока не имеют [5; 9].

Сегодня при рассуждении на выбранную тему закономерно возникают вопросы о том, правомерны ли суждения типа «патриотизм не может быть идеологией», насколько совместимо патриотическое воспитание с тенденциями современного социального развития, не архаично ли звучит тема патриотизма рядом с так называемыми высокими технологиями или (в еще большей степени) с высокими гуманитарными технологиями (*high humane technologies*), «в расшифровке» *high humanitarian technologies*).

Что касается понятия «высокие гуманитарные технологии», активно используемого не только в науке, но и в публицистике, то у него пока нет общепризнанного определения. В самом широком смысле под ним мы предлагаем интерпретировать определенные системные целостности знаний, умений, навыков и компетенций, которыми надо *овладеть* (образование, духовное производство), чтобы *потом*

* В связи с этим в качестве предмета для дискуссии возникают вопросы, касающиеся государственной символики и атрибутики Третьего рейха (и их значения для ума, чести и совести подлинных немецких патриотов), фашистской Италии, милитаристской Японии.

эффективно применять (технологии, материальное производство) для разумной социальной деятельности (не наносящей ущерба ни человеку, ни окружающей среде) как индивидуальной, так и коллективной.

При этом особое значение приобретают целевые и ценностные установки того, кто эти технологии разрабатывает, того, кто их осваивает (в процессе обучения), и того, кто применяет. При этом используются такие изменяющиеся формы, методы и средства передачи и приема информации, которые организуют людей и воспитывают в них способность к принятию решений с высоким уровнем социальной ответственности. Это и есть патриотическая работа с базовыми ценностями, работа по воспитанию без громких слов. Это работа в сфере управления воспитательным процессом.

Другими словами, это те же формы, средства и методы социального воспитания, которые обеспечивают высокий идейный уровень мотивации социальной деятельности гражданина, его личного и коллективного вклада в работу и ответственности за порученное дело. Они могут помочь выбору адекватных путей развития системы среднего и высшего образования в контексте качественно новых технологических возможностей и, что весьма возможно, принципиально *иных*, по сравнению с XX веком, социальных, идеологических, культурных, демографических вызовов.

Высокие гуманитарные технологии разрабатываются, принимаются и применяются как на уровне рекомендаций социальных психологов, так и на уровне профессионально-личностных требований, предъявляемых сегодня ко всем без исключения сотрудникам гражданских и военных государственных учреждений. По сути, это дальнейшие качественные этапы

Высокие гуманитарные технологии разрабатываются, принимаются и применяются как на уровне рекомендаций социальных психологов, так и на уровне профессионально-личностных требований, предъявляемых сегодня ко всем сотрудникам гражданских и военных государственных учреждений.

развития трудовой этики человечества, исторически меняющей свои классовые и корпоративные формы, но содержательно почти всегда обеспечивающей продуктивное и прогрессивное взаимодействие общества и социальных индивидов.

Даже самый беглый анализ опыта патриотического воспитания в большинстве экономически развитых зарубежных стран дает основания считать формы такого опыта аналогами отечественных форм, средств и методов социального воспитания [5; 10].

Примечательно, что наиболее разработанные рекомендации, кодексы и правила социального поведения человека как члена гражданского общества применяются сегодня в высокоразвитых странах, что создает саму инфраструктуру развитого гражданского общества с его предъявлениями прав и обязанностей каждому социальному индивиду [4]. Вне востребованной системы социального воспитания, под которым понимается целенаправленный процесс социального формирования личности человека как гражданина, профессионала, специалиста, обеспечить построение гражданского общества, в котором используются высокие гуманитарные технологии, вряд ли возможно. Следовательно, в каждой развитой национальной системе образования

усиливается его интегральный компонент, единственно эффективный при формировании национальной гражданской идентичности.

По сути, патриотизм, гражданское патриотическое воспитание все-

гда были и остаются консолидирующей идеологией, фактической основой методологии общественного воспитания. Отчетливое, нравственно осмысленное осознание принадлежности к общности и территории, составляющей понятие «Родина», и чувство гордости за принадлежность к ней являются целями воспитания, начиная с дошкольного и младшего школьного

возраста. Так было и есть не только в нашей стране, но и за рубежом.

Каждый год 11 сентября в США отмечается День патриота [16]. Японский школьник повторяет как молитву формулу лояльности: «Какое счастье, что я родился японцем!» [11]. В таких странах, как США, Соединенное Королевство, Япония, эта деятельность поднята до уровня гражданской религии [4]. Ниже мы проанализируем ее перспективы в контексте признаков современного кризиса социума и его базовых ценностей.

Выделим, рассмотрим и сравним специфику и общие черты патриотического воспитания за рубежом. Начнем наш анализ с двух, казалось бы, весьма разных по культуре, менталитету, традициям, государственному устройству, системам образования экономически высокоразвитых стран, таких как США и Япония. Рассматривая эти феномены, не обойдем вниманием и некоторые параллели отечественной культуры, отражающиеся на содержании воспитания именно как общественно-го явления.

Важно отметить, что в США тема патриотического воспитания школьников лежит в основе всех традиционных столпов-идеологем, составляющих «гражданскую религию»*. При этом понятие *принадлежности к nation-state* — нации-государству — является не просто рабочим для оформления разных документов или сделок, оно буквально впитывается с рождения как ведущая мотивация национальной гордости, которой придается вполне религиозный смысл; оно вырастает в бытовой менталитет, в идеологический и культурный стереотип поведения каждого человека — безотносительно к его соци-

* Лежащие в основе Конституции США Декларация независимости 1776 года, Библия, честное государство, частное право (privacy), экономическая свобода предпринимательства, библейский образ Родины как «сияющего града на холме, земли обетованной, Сиона», сегодня подвергаются основательному потрясению.

Даже самый беглый анализ опыта патриотического воспитания в большинстве экономически развитых зарубежных стран дает основания считать формы такого опыта аналогами отечественных форм, средств и методов социального воспитания.

альной, этнической или расовой принадлежности [4].

При анализе конституционных документов США — самой «архитектоники» социума, включающей основные социальные институты гражданского общества, — сразу заметны метафизические эталоны, на которые равняются общество и образование. За образец всегда брались политические и социальные учреждения Римской республики и Римской империи — сенат, конгресс (само здание конгресса носит название Капитолий). Примечательно, что и фундамент Российской империи как государства нового типа («отрицание отрицания» по отношению к Москве — «третьему Риму») закладывался Петром Великим и его династическими преемниками на тех же эталонах Римской империи (о чем свидетельствует также архитектура Санкт-Петербурга), где высшим учреждением был Правительствующий сенат, и т. д. Идея империи внушалась всем подрастающим поколениям как идея высшей отеческой государственной — государственной — справедливости, беззаветного и честного гражданского служения и т. п. (прежде всего здесь важен качественный уровень метафизического идеала, заложенного в социальное воспитание подданного).

Практически те же ориентации государственных идеологов видим и в политической истории США. Основой законодательства в США служило римское право, принцип разделения властей, государственная символика Фемиды, атрибутика защиты государства (орлы), античная римская архитектура зданий государственных служб и т. д. Все эти обязательные к исполнению на любом уровне гражданской жизни и социального воспитания элементы и заложили основу культа гражданской религии «нации-государства». Отметим, что начиная с Т. Рузвельта североамериканский социум все более недвусмысленно начал смещать акценты государственной идеологии от республики к империи (это видно даже по символике Empire State Building, созданного в 1920-х годах).

Принимая во внимание эти факты, подтвержденные свидетельствами десятков американистов — специалистов в сфере гуманитарных и политических наук, таких как Т. Д. Снайдер, Дж. Б. Опп, Л. Болдуин, Э. Каплан, М. Бергер, А. Трахтенберг, Х. У. Морган, Д. Смит, изучавших национальный миф о «плавильном котле» [12], становится очевидным, что представления об отсутствии в США не только какой-либо системы, но и самого понятия воспитания являются не адекватными ни истории США, ни современной действительности североамериканского социума.

Для государства, строящегося на протяжении более 200 лет на принципах аккумуляции и ассимиляции миграционных потоков из Европы, Азии, Африки, Латинской Америки, проблема создания и сохранения символов общенациональной гражданской идентичности как цемента формируемого социума, базовых ценностей так называемого американского образа жизни, передачи их в качестве основополагающей культурно-исторической эстафеты потомству всегда была главной и временами чрезвычайно болезненной [4; 5; 16]. Достаточно вспомнить тяжелейший общенационально-государственный кризис Гражданской войны 1861—1865 годов, де-факто расколовший общество США на многие десятилетия социокультурного противостояния «белых» и «цветных»*. Последствия этого раскола уси-

Отметим, что начиная с Т. Рузвельта североамериканский социум все более недвусмысленно начал смещать акценты государственной идеологии от республики к империи (это видно даже по символике Empire State Building, созданного в 1920-х годах).

* Имеется в виду проблема традиционного «белого расизма» (Ку-клукс-клан, общество Джона Берча, американская национал-социалистская партия белого человека и др.) и его противоположности — часто весьма экстремистского «расизма черного» (в США, ЮАР, в современной Европе), а также своеобразного расизма криминальных банд «цветных» из южных испаноговорящих штатов, настроенных крайне жестко против «белых гринго», их женщин и детей.

ленно сглаживались, нивелировались, преодолевались, замалчивались институтами гражданского общества, включая особый, важнейший вклад в этот процесс системы национального образования вплоть до середины 1960-х, когда сложившийся в результате несмешивающегося гражданского слияния многонациональный мультикультурный социум США снова потряс кризис второй масштабной исторической волны движения афроамериканского населения за полноценный доступ к гражданским правам (его лидер — Мартин Лютер Кинг считал себя американцем и патриотом США).

Многонациональный российский суперэтнос столетиями формировался в целом по стихийно выработанному принципу инкорпорации, включения национально-территориальных общностей при сохранении национально-культурного, религиозного (православные, мусульмане, буддисты и др.) и языкового своеобразия каждой из народностей (татары, калмыки, чувашы, мордва, якуты, украинцы и др.). Разного рода отклонения от этой линии развития, безусловно, влияли, но не катастрофично (то есть без фактов геноцида, подобного истреблению индейцев) на судьбу терри-

ториально-этнических образований в составе Московского государства, Российской империи, Советского Союза. В последнем случае на основе идейно-политического единства и общности исторической судьбы союзных республик

образовалась особая, новая историческая общность — советский народ с общегражданским сознанием советского патриотизма и русским языком в качестве ведущего языка межнационального общения (как это официально формулировалось в СССР).

В отличие от российского, североамериканский суперэтнос формировался ско-

рее по социально-политическому проекту Конституции США 1776 года («We, the People of the United States.....» («Мы, Народ США.....»)), — прописано рефреном в паспортах и учреждениях), по принципу социально-политической ассимиляции переселенческих диаспор без территории, переплавки все более бурных потоков разноплеменных мигрантов в некоем «тигле плавильного котла» социального быта. В США официально государственный патриотизм всегда опирался на патриотизм бытовой. Патриотизм здесь направлен на укрепление десятилетиями оттачивавшейся «политики идентичности», на решение задачи по созданию *nation-state* — гражданской нации-государства, то есть общенационального, конституционно закрепленного консенсуса, зафиксированного в понятии «американец», гражданского единства на обязательном языковом приоритете так называемого американского английского языка — *Standard American* — официально принятого и неукоснительно обязательного к применению во всем государственном делопроизводстве, в государственных учреждениях, во всех образовательных организациях всех штатов США [4; 5; 16].

Неслучайно североамериканский социум взял себе идентичность «Америка», «американцы». Это фундаментальное противопоставление граждан США канадцам, мексиканцам, бразильцам и т. д. стало для социума США, для специфики общегражданского и национально-государственного менталитета базой формирования *американизма, североамериканской идентичности*, сохранение которой до сих пор является основной идеей и главной морально-политической ценностью [16]. В США вместо привычных нам общегражданских паспортов граждане получают паспорта-карты (возобновляемые и перепускаемые каждые 8-10 лет), где наряду с биометрикой фиксируется именно эта идентичность. В загранпаспортах США под «nationality» подразумевается граж-

В отличие от российского, североамериканский суперэтнос формировался скорее по социально-политическому проекту Конституции США 1776 года, по принципу социально-политической ассимиляции переселенческих диаспор.

данство указывается «United States of America», то есть «nationality – United States of America» означает именно гражданство*.

Все это свидетельствует о том, что в современных государствах понятия национальной и гражданской идентичности, формируемые и закрепляемые социальным воспитанием, по смысловому, правовому и культурно-историческому наполнению не тождественны. Не тождественны как объем, так и содержание понятий «патриотизм», «патриотическое воспитание», несмотря на примерно сходные символы, векторы, ритуалы. Если в некоторых учебниках истории России (например, под редакцией А. А. Кредера), с нашей точки зрения, наблюдается явная тенденциозность, гиперкритичность по отношению к историческому прошлому вплоть до полной переоценки смысла, значения и последствий исторических событий и образов исторических лиц, действий политических сил, организаций, то в американских учебниках прошлое США, как правило, никогда не переосмысливается так радикально. Феномен культивирования гражданской идентичности США поднят до уровня «гражданской религии» (вас не поймут в США, если вы не патриот своей страны, и несмотря на то что критиковать власти на всех уровнях можно весьма свободно и открыто, нелояльность государству в принципе исключается) [4]. Во всех без исключения школах, колледжах и вузах США каждый учебный день начинается с торжественной линейки, церемониала поднятия государственного флага, сопровождаемого коллективным исполнением гимна,

который обязан знать каждый школьник или студент, независимо от вероисповедания и принадлежности к той или иной этнической группе. В «плавильном котле Америки» (так понимают свою Родину граждане США) граждане именуются и становятся американцами, при этом каждый имеет право сохранять внутри себя и своего круга национально-этническую идентичность [16].

Это связано с тем, что современный социум США, включая школы и вузы, накрыла волна нового, может быть, самого тяжелого и системного гражданского кризиса в истории этого государства. Речь идет о проблеме диалога социально-бытовых мифов «старого доброго Юга», «наглого нового Севера» и «бывшего дикого Запада». С одной стороны, за счет увеличения смешанных (в расовом, этническом и языковом отношении) браков идентичность в США с годами приобретала все более размытые границы. С другой — растущее количество новых групп мигрантов повлекло за собой резко выраженную самоизоляцию национальных общин (то же происходит и в современной Европе) [9; 12]. Многие новые граждане, прожив в США десятки лет, так и не выучили английский язык и продолжают общаться внутри своего круга, не выходя в социальном быту за его пределы, на испанском, идише, польском, русском и т. д. Понятие национальной диаспоры в быту стало конкурировать с традиционной социальной культурой общегражданской американской идентичности (в качестве примера можно привести темнокожие анклавы Гарлем и Бронкс, русско-украинско-еврейский Брайтон-Бич в Нью-Йорке, а в южных штатах США (Нью-Мексико и др.) испанский язык уже победил).

Вслед за философами и политологами, деятели американской системы образова-

В современных государствах понятия национальной и гражданской идентичности, формируемые и закрепляемые социальным воспитанием, по смысловому, правовому и культурно-историческому наполнению не тождественны.

* Для сравнения: в загранпаспортах Российской империи обязательно указывались не только национальная принадлежность, но и вероисповедание подданного, в советских паспортах всегда фиксировалась национальность гражданина (рубрики «советский человек» там не было, она была в коллективном сознании), в современных российских паспортах национальность не указывается совсем, а только гражданство — так же, как и в паспортах-картах и загранпаспортах США.

ния заговорили о смене базовой модели социального воспитания: вместо устоявшегося образа культуры «плавильного котла» в американских школах и кампусах стала применяться гуманитарная технология так называемого мультикультурализма, воплощенного в образе «миски с салатом», где «все овощи остаются сами собой» [12]. Это продиктовано идеей сохранить базовую американскую гражданскую идентичность, подкрепив общегражданский патриотизм культурным и этническим своеобразием малых общин и диаспор. Однако, несмотря на то что толерантность и политкорректность были провозглашены ведущими принципами социального воспитания и основой нового подхода к формированию американской патриотической программы, возникли проблемы.

К началу XIX века разноплеменная мозаика этнических субкультур США без определенно выраженной исторически сложившейся территории (за исключением раздробленного на части индейского этноса) привела к «социально-языковому перегреву», а к 2020 году — к самому настоящему социальному взрыву, бунту темнокожих и латиносов (движение Black Lives Matter). Национальная общегражданская идентичность временами уступает

сильнейшему, прорывному напору идентичностям субнациональным, субэтническим, и (что опаснее всего) субкультурным. Сдержит ли представленная достойными людьми национальная система образования США, прошедшая не одно испытание

на прочность, напор подобных абсолютно дезинтеграционных процессов, которые, помимо всего прочего, ставят под вопрос культуру межпоколенческих связей, традиционную эстафету-диалог отцов и детей?

Рассмотрим опыт гражданского воспитания в Японии — стране, диаметрально противоположной США не столько в географическом, сколько в социокультурном плане. С 2003 года специальным постановлением правительства «О свободе слова и патриотизме в Японии» воспитание чувства любви к своей стране было закреплено в качестве цели шестилетней программы обязательного образования в средней школе, а начиная с 11 лет, предполагалось выставлять оценки за патриотизм [1; 2]. Однако, несмотря на традиционную японскую лояльность государству, данное постановление все же вызвало вполне понятные протесты, поскольку положение об «оценках за патриотизм» явно выходило за рамки элементарного здравого смысла и совершенно справедливо воспринималось педагогами, родителями и общественными как провокация. Постановление было скорректировано. Что-то похожее наблюдается и в нашей стране, когда отдельные администраторы пытаются вводить в практику школ нелепо начисленные баллы и вполне вздорные рейтинги за «уровни патриотизма» учащихся.

Патриотическое воспитание в Японии построено на классических принципах традиционного общинного коллективизма (точнее — эгалитаризма, причем с явно выраженной религиозной подоплекой). Хорошее и плохое подается только через образ Родины. Специфический эгалитаризм японской воспитательной системы — это система социального гражданского воспитания *шудан шуги* (shudan shugi) [8; 11]. Комплекс идей *шудан шуги* заключается в приоритете коллективного над личностным, общинного над индивидуальным. Выпячивать свое «я» в каких-бы то ни было делах считается малокультурным, постыдным. Безусловная и безоговорочная преданность Японии (раньше — императору), любовь к малой родине, привязанность к семье, почитание старших по возрасту, званию и должности входят в кодекс морального воспитания «необхо-

Патриотическое воспитание в Японии построено на классических принципах традиционного общинного коллективизма (точнее — эгалитаризма, причем с явно выраженной религиозной подоплекой). Хорошее и плохое подается только через образ Родины.

димых качеств» юного гражданина страны * [13].

Японская идея равенства связана с идеей единообразия и послушания, утверждает Хироаки Исигуро, эксперт в сфере современного гражданского образования. По традиционному мнению японских педагогов, не в меру зазнавшийся отличник может вызвать чувство неполноценности у своих товарищей. Традиционно социальный индивид рассматривается только как член особой группы и может пользоваться своими правами, лишь отстаивая заданные интересы группы [11]. На практике это означает социальное оправдание системы патриотического патернализма: жить надо в законопослушании, жить надо интересами фирмы, где работаешь не за страх, а за совесть, поскольку, по конфуцианской морали, твоя фирма — это отныне твой дом, твоя семья, ты ее член и делишь с ней все удачи и невзгоды [6]. Как в феодальную старину, учитель по-прежнему обладает непререкаемым авторитетом, поэтому в Японии до сих пор принято безоговорочно доверять «опекающему голосу» учителя по принципу «сэнсэй-ни-сорё-во-кудасай» («все говори учителю»). Чувство социальной иерархии прививается социальным воспитанием с детства, а патриотизмом оно просто освящается. В социальной матрице воспитания подобного типа средняя школа предстает как «хойкушо» — питомник воспитания готовности жить и работать в жесткой системе по-японски развитого современного капитализма, крепко вросшего в модернизированную архаику древнейшего культурно-поведенческого стереотипа. Это характер-

ный педагогический феномен традиционной эгалитарной иерархии, внешне парадоксального «эгалитарного неравенства» [9; 13].

Стоит заметить, что при всем явно декларируемом индивидуализме социаль-

ного поведения американца его мышление скорректировано теми же правилами скромности, что и у среднего японца: выражать свое мнение в категорической форме не принято и в американском обществе, со школьной скамьи дух команды (team spirit) стоит на первом плане. Тем и интересно это явление: в США и Японии это вызывается совершенно разными причинами, однако конвергентность поведенческих стереотипов налицо.

Современное патриотическое гражданское воспитание в Японии строится на следующих культурно-поведенческих стереотипах: всегда почитается старший, группа выше индивидуальности, важно быть упорным в делах и заботах (как плывущий против течения карп), точным в выполнении порученного дела и самоотверженно трудолюбивым, всегда должно быть стыдно потерять лицо (характерный восточный термин, может быть, наиболее полно отражающий специфику восточноазиатского менталитета как индивидуального, так и группового) [5]. Патриотическое гражданское воспитание осуществляется императивно, то есть посредством сложной сети церемониалов, правил, поведенческих ритуалов-клише (как войти, как кланяться, здороваться и прощаться и т. д.). Это воспитательная система специфически японского общественного этикета, незыблемых правил общения и социального театра статусных ролей. При этом в японском языке лексически и грамматически сохранены статусно-возрастные различия при общении, где этика формы по существу равна содержанию поведения и смыслу деятельности [1; 11].

При всем явно декларируемом индивидуализме социального поведения американца его мышление скорректировано теми же правилами скромности, что и у среднего японца.

* Министерство образования Японии формально оговаривает свое формальное понимание отличия национализма от патриотизма, разъясняя школьникам право других народов на уважение и самобытность [2], однако эти разъяснения не сочетаются с ежегодной шовинистической истерией по поводу «северных территорий», ведь в эти пропагандистские антироссийские кампании прямо вовлекается школьная молодежь.

Считаем, что на вопрос, может ли быть для нас полезен анализ опыта гражданско-патриотического воспитания в разных странах, следует дать утвердительный ответ. Культурные и цивилизационные отличия не могут затмить ценность сравнительного подхода к анализу социального и образовательного опыта. Работа, проводимая в рамках педагогической компаративистики — сравнительного подхода к феноменам и системам образования, — способствует более глубокому пониманию педагогами, руководителями, исследователями и практиками цивилизационных отличий, что помогает воспитывать у учащихся чувство историзма, уважительное отношение к обычаям и традициям других народов для лучшего осознания собственных обычаев и традиций.

Примеры США и Японии дают понима-

ние целей и ценностей сосуществования народов с отличающимися представлениями о бытовой культуре, об основных религиозно-ценностных и социально-этических ориентациях, особенностях менталитета иных культур, открывают возможность социокультурно адекватной корректировки патриотически ориентированного учебно-воспитательного процесса в отечественной культуре образования на всех его уровнях.

Таким образом, сравнительно-сопоставительный анализ содержания гражданско-патриотического воспитания в странах дальнего зарубежья в логике нашей исследовательской программы дает продуктивные основания для дальнейшего критического осмысления, корректировки и планирования целей и задач гражданско-патриотического воспитания в нашей стране.

ЛИТЕРАТУРА

1. В японских школах появится патриотический патруль // *Obozrevatel* : [сайт]. — 2006. — 16 мар. — URL: <https://www.obozrevatel.com/news/2006/3/16/98445.htm> (дата обращения: 26.01.2022).
2. Воспитание патриотизма: как в Японии переписывают учебники истории // *Realist* : [сайт]. — 2017. — 6 апр. — URL: <https://realist.online/mir/yaponiya-obrazovanie-konservatizm> (дата обращения: 26.01.2022).
3. *Гумилев, Л. Н.* Конец и вновь начало: популярные лекции по народоведению / Л. Н. Гумилев. — Москва : Айрис-Пресс, 2008. — 384 с. — (Библиотека истории и культуры). — ISBN 978-5-8112-3150-8.
4. *Задорожнюк, И.* Гражданская религия и патриотическое воспитание в системе образования США / И. Задорожнюк // *Высшее образование в России*. — 2007. — № 9. — С. 150—155.
5. Зарубежный опыт привития патриотических чувств подрастающим поколениям // *Studbooks.net* : [сайт]. — URL: https://studbooks.net/1784178/pedagogika/zarubezhnyy_opyt_privitiya_patrioticheskikh_chuvstv_podrastayuschim_pokoleniyam (дата обращения: 27.01.2022).
6. *Исигуро, Х.* О японском эгалитаризме / Х. Исигуро // *Культурные модели школ*. — Москва : ИПИ РАО, 1997. — С. 165—176.
7. Конституция Российской Федерации // *Гарант* : сайт. — URL: <http://www.constitution.ru/> (дата обращения: 07.02.2022).
8. *Мельникова, Н. М.* Патриотизм и национализм глазами японской молодежи / Н. М. Мельникова // *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*. — 2019. — № 3. — С. 23—36. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/patriotizm-i-natsionalizm-glazami-yaponskoy-molodezhi/viewer> (дата обращения: 27.01.2022).
9. *Мирзаханян, С. Г.* Проблема «наднационального» в процессе современного развития регионов мира / С. Г. Мирзаханян // *Труд и социальные отношения*. — 2012. — Том 23. — № 3. — С. 136—143.